

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-4-495-513

НАСЛЕДИЕ М. С. СТРОГОВИЧА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПОСТРОЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

ДЕРИШЕВ Юрий Владимирович*

✉ derishev.omsk@mail.ru

Ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

***Аннотация.** В ноябре 2019 г. мировая юридическая общественность широко отметила 125-летие профессора М. С. Строговича, по оценкам научных соратников, коллег и учеников, – ученого, «опередившего время».*

В настоящей статье проводится ретроспективно-сравнительный анализ позиций М. С. Строговича, его соратников по отдельным проблемам отечественного уголовного судопроизводства, в частности досудебной его фазы, в контексте непосредственного влияния научного достояния ученого на развитие современного уголовно-процессуального права. Автору статьи особо интересны взгляды ученого и его участие в обсуждении вопросов, связанных с определением сущности и назначения предварительного расследования, реализацией функций предварительного расследования в соотношении с уголовным преследованием, проблемами реализации принципов презумпции невиновности и состязательности в досудебном производстве по уголовным делам и, наконец, общей организацией «расследовательского дела» в современной России.

М. С. Строгович последовательно придерживался идеи о необходимости развития и укрепления процессуальных гарантий прав личности, гарантий правосудия и это прослеживается в настоящей статье. Так, определяя сущность уголовного процесса как системы действий соответствующих должностных лиц и возникающих в связи с этими процессуальных правоотношений, что само по себе было серьезным «научным мужеством» тех лет, М. С. Строгович особо отстаивал положение, согласно которому все участники уголовного процесса являются субъектами предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей, их недопустимо считать объектами односторонних властных полномочий должностных лиц. Данная идея стала широко распространенной и общепризнанной как базовое определение отечественного (советского и российского) уголовного процесса.

В статье анализируются научные шаги М. С. Строговича по концептуальному повороту от революционно-радикальных представлений о построении уголовного судопроизводства к его классическим канонам и традициям русского уголовного процесса, на основании чего делается вывод о непременном использовании наследия ученого в современной отечественной процессуалистике.

Проведенное в статье исследование наследия М. С. Строговича в полной мере позволит по-новому переосмыслить современную систему уголовного судопроизводства, может использоваться в качестве своеобразного ключа к поиску решения правотворческих и правоприменительных проблем для дальнейшего развития отечественной науки уголовно-процессуального права.

***Ключевые слова:** уголовный процесс и уголовное судопроизводство, уголовное досудебное производство, предварительное следствие и дознание, презумпция невиновности, состязательность и равноправие сторон, гарантии прав личности.*

---

* Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Сибирского юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Legacy of M. S. Strogovich and Modern Problems of Functional-Legal Construction of Criminal Pre-Trial Proceedings

Derishev Yury V.**

✉ derishev.omsk@mail.ru

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Abstract. In November 2019, the world legal community widely celebrated the 125th anniversary of Professor M. S. Strogovich, who, according to his scientific colleagues and students, was a scientist who was “ahead of time”.

This article provides a retrospective and comparative analysis of the positions of M. S. Strogovich and his colleagues on certain problems of domestic criminal proceedings, in particular its pre-trial phase, in the context of the direct influence of the scientist's scientific heritage on the development of modern criminal procedure law. The Author of the article particularly interesting views of the scientist and his participation in discussions related to defining the essence and purpose of the preliminary investigation, the implementation of the functions of preliminary investigation in relation to criminal prosecution, the problems of implementation of the principles of presumption of innocence and the adversarial nature of pretrial proceedings in criminal cases, and, finally, the General Manager of the “investigative case” in modern Russia.

M. S. Strogovich consistently adhered to the idea of the need to develop and strengthen procedural guarantees of individual rights, guarantees of justice, and this can be seen in this article. Thus, defining the essence of the criminal process as a system of actions of the relevant officials and the procedural legal relations that arise in connection with them, which in itself was a serious “scientific courage” of those years, M. S. Strogovich particularly defended the position that all participants in criminal proceedings are subjects of the rights granted to them and the duties assigned to them, and they should not be considered objects of unilateral power of officials. This idea has become widespread and generally accepted as the basic definition of domestic (Soviet and Russian) criminal proceedings.

The article analyzes M. S. Strogovich's scientific steps on the conceptual turn from revolutionary-radical ideas about the construction of criminal proceedings to its classical canons and traditions of the Russian criminal process, On the basis of which the conclusion is made about the indispensable use of the scientist's legacy in modern Russian procedural studies.

The research of M. S. Strogovich's legacy carried out in the article will fully allow to rethink the modern system of criminal proceedings in a new way, can be used as a kind of key to finding solutions to law-making and law enforcement problems, for the further development of the national science of criminal procedure law.

Keywords: criminal procedure and criminal proceedings, criminal pre-trial proceedings, preliminary investigation and inquiry, presumption of innocence, competition and equality of the parties, guarantees of individual rights.

...И сейчас, постоянно обращаясь к трудам М. С. Строговича, перечитывая и анализируя их, вновь убеждаешься, как умел он смотреть далеко вперед, как верно его творчество отражало бытие правовой действительности. Оставленное им богатейшее научное наследие будет и впредь помогать нам реализовывать на практике идеи социальной справедливости, служить верным компасом в борьбе за законность, гуманизм, демократизм, за дальнейшее процветание правовых основ государственной и общественной жизни.

Профессор В. М. Савицкий

Отмечая юбилей одного из метров отечественной уголовно-процессуальной науки, члена-корреспондента АН СССР, профессора М. С. Строгови-

ча, представляется закономерным вновь вернуться к воззрениям ученого на вечно актуальные проблемы процедурного и функционально-правового

** Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Siberian Law University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

построения уголовного досудебного производства в рамках перманентно продолжающейся научной полемики по этим вопросам.

Безусловно, «М. С. Строгович – целая эпоха в науке уголовно-процессуального права. Это величественная фигура советского периода правовой науки. Его научное наследие охватывает не только работы по уголовному процессу, но также и материальному уголовному праву, теории и философии права, судебной этике. По его работам можно проследить историю уголовно-процессуального законодательства...» [10, с. 13].

Так сложилось (и это объективно), что эволюция российского уголовного процесса – это, главным образом, история его досудебной фазы, в частности, предварительного расследования: именно оно чаще всего претерпевало изменения, ставя при этом все новые и новые теоретические и практические проблемы. При этом необходимо отметить, что институт предварительного расследования преступлений в России прошел довольно сложный и противоречивый путь своего становления и развития [18, с. 99; 39, с. 41–42; 40, с. 41], что еще более осязаемо при ретроспективно-сравнительном анализе позиций и взглядов профессора М. С. Строговича, его современников и процессуалистики сегодняшнего дня.

1. *О понятии, сущности и значении предварительного расследования.* В одном из первых своих учебников уголовного процесса будущий профессор и признанный корифей отечественной процессуалистики М. С. Строгович, с одной стороны, обратил внимание на *субсидиарное (подсобное)* значение предварительного расследования, с другой, – утверждал, что «правильная постановка предварительного расследования имеет громадное значение для правильной работы всей системы органов юстиции в целом... от качества работы органов предварительного расследования в значительной мере зависит и качество работы суда» [50, с. 114].

При этом М. С. Строгович определял предварительное расследование как стадию процесса, в которой специальные органы расследования собирают и проверяют доказательственный материал, исследуют обстоятельства самого события преступления и выявляют причастных к нему лиц, указывая, что предварительный характер этой стадии процесса заключается в том, что органы расследования проводят свою работу *до суда и для суда* в целях представления суду

дела в достаточно исследованном виде, чтобы суд имел возможность рассмотреть и оценить всю совокупность обстоятельств дела и вынести правильный по существу приговор [50, с. 114].

Этот же подход, поддерживая позицию М. С. Строговича, использовал в учебнике 1948 г. профессор М. А. Чельцов. «Предварительным производством в уголовном процессе называется вся широкая и многообразная деятельность *вспомогательных органов правосудия* (выделено нами. – Ю. Д.) – прокуратуры, следствия, уголовного розыска – по обнаружению и сохранению материальных следов преступления, собиранию доказательств, исходящих от свидетелей и экспертов, установлению личности виновного и его изобличению, а также принятию мер, обеспечивающих неуклонение его от суда» [58, с. 361].

Несколько позже Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин также рассматривали предварительное расследование как стадию уголовного процесса, «закрывающуюся в процессуальной деятельности органов следствия и дознания по раскрытию преступлений, привлечению к уголовной ответственности виновного и *подготовке условий для предания его суду* (выделено нами. – Ю. Д.), а равно по установлению отсутствия предполагаемого преступления или оснований для направления дела в суд» [20, с. 31].

Предварительный и обеспечительный характер уголовного досудебного производства признается и современной уголовно-процессуальной наукой. Соглашаясь с данным обстоятельством, авторы учебника «Уголовный процесс» под редакцией П. А. Лупинской вместе с тем дополняют, что предварительное расследование представляет собой деятельность органов дознания и предварительного следствия по собиранию, проверке и оценке доказательств [53, с. 233].

Составители современного Курса уголовного процесса подчеркивают, что «...в отличие от гражданского процесса, который возникает по инициативе истца и где он обращается с конкретными притязаниями к конкретному лицу (ответчику) непосредственно в суд, уголовный процесс всегда требует тщательного установления всех обстоятельств гипотетического преступления и выявления всех причастных к его совершению лиц. Иначе говоря, он требует всестороннего расследования, которое является *предварительным по отношению к судебному разбирательству и без которого судебное*

разбирательство не может состояться (выделено нами. – Ю. Д.)» [25, с. 624]. Авторы другого современного учебного издания уточняют: «Предварительное расследование – это самостоятельная стадия (этап) уголовного судопроизводства, представляющая собой урегулированную законом, облеченную в форму правовых отношений деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокурора и других участников, осуществляемую в установленном порядке, назначением которой является доказывание события преступления, виновности лица, его совершившего, и других имеющих значение обстоятельств, а также создание иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде» [52, с. 219].

Предлагая «свежий взгляд на старые проблемы», С. Б. Россинский дает свое авторское определение досудебного производства: «Самостоятельный этап уголовного судопроизводства, который осуществляется по уголовным делам публичного (частно-публичного) обвинения и заключается в деятельности органов дознания и предварительного следствия, направленной на обеспечение возможности формирования предмета последующего судебного разбирательства... Основной целью, основным предназначением досудебного производства (предварительного расследования) является обеспечение возможности формирования позиции государственного обвинения (уголовно-правовой претензии, “уголовного иска”) как предмета последующего судебного разбирательства» [37, с. 33].

При этом, ставя принципиальные вопросы об обязательности досудебного производства в отечественном уголовном процессе, автор, надо признать, не без доли эмоциональности, рассуждает: «Возможно, его существование вообще обусловлено не более чем историческими традициями, не имеет никакого позитивного смысла, а, наоборот, лишь затягивает сроки рассмотрения и разрешения уголовных дел, отнимает у государства колоссальные ресурсы и приводит к весьма серьезным финансовым затратам? Конечно же, нет! Безусловно, это совершенно не так. Досудебная фаза, а точнее предварительное расследование, представляется не просто целесообразным, а необходимым этапом любых уголовных дел публичного и частного обвинения, хотя почему-то так и не получила должного доктринального освещения» [37,

с. 31]. Далее автор заключает: «Наиболее разумная точка зрения по этому поводу высказывалась в работах М. С. Строговича. Ученый писал, что предварительное расследование направлено на обеспечение последующего разрешения уголовного дела в судебном порядке, на вынесение законного и обоснованного приговора и в то же время препятствует необоснованному преданию суду лиц, не совершивших преступления [43, с. 40]. В настоящее время подобных взглядов придерживается Ю. В. Деришев [17, с. 85–86; 18, с. 84], который, помимо прочего, относит к целям досудебного производства изобличение подозреваемого (обвиняемого) в совершении инкриминируемого ему преступления и направление уголовного дела для судебного разбирательства, а также принятие иных мер для обеспечения законного, обоснованного и плодотворного правосудия» [37, с. 31].

Говоря о назначении досудебного производства, следует согласиться с позицией О. Л. Васильева о необходимости разграничения целей и задач отдельных форм предварительного расследования: дознания и предварительного следствия [9, с. 40–42]. Действительно, дознание должно предшествовать предварительному следствию и обеспечивать следователя необходимыми для полного и всестороннего исследования обстоятельств дела материалами, решая при этом частные задачи по установлению события преступления и лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а также по подготовке материала, устанавливающего предмет доказывания. По мнению М. С. Строговича, «в концентрированном виде» это обнаружение, собирание и закрепление по горячим следам первичных материалов по делу, непосредственный и активный розыск преступника, его обнаружение и раскрытие преступления [41, с. 40–46; 49, с. 266–267]. Соответственно, среди задач предварительного следствия (его цели совпадают с общими целями досудебного производства) следует рассматривать необходимость полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела в целях решения вопроса о возможности предания обвиняемого суду, обеспечения суда допустимыми и достоверными доказательствами, достаточными для вынесения законного и справедливого приговора, а также ограждение гражданина от злоупотреблений и ошибок органов уголовного преследования.

Игнорирование данного понимания, как известно, привело к слиянию предварительного следствия и дознания как разновеликих форм предварительного расследования, что не смог преодолеть и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ). В результате «в российском праве по-прежнему господствует знаменитый лозунг двадцатых годов прошлого века о стирании граней между дознанием и предварительным следствием как одним из приоритетных направлений уголовно-процессуальной политики» [21, с. 79].

И еще одно и поныне сохраняющее свою актуальность замечание М. С. Строговича, касающееся целеполагания уголовного досудебного производства: «Раскрытие преступления, обнаружение и изобличение совершивших преступление лиц не исчерпывают непосредственных задач предварительного следствия: дело может считаться раскрытым полно тогда, когда следователь выяснит причины и условия, способствовавшие совершению преступления или затруднившие его своевременное обнаружение и пресечение» [45, с. 263]. Действительно, в ходе уголовного досудебного производства органы предварительного расследования всегда должны реализовать также воспитательную и предупредительно-профилактическую функции, т. е. выявить обстоятельства, способствующие совершению преступления, и принять меры к их устранению (ст.ст. 2, 21, 140, 211 УПК РСФСР, ст.ст. 6, 73, 158 УПК РФ).

2. О функции предварительного расследования в соотношении с уголовным преследованием. Как известно, учение о процессуальных функциях столкнулось с особыми теоретическими трудностями применительно именно к уголовному досудебному производству. Так, рассматривая уголовно-процессуальную деятельность как совокупность уголовного преследования (обвинения), защиты и разрешения дела, М. С. Строгович утверждал, что на предварительном следствии «эти три функции слиты, соединены в руках следователя» [49, с. 96–97].

Вместе с тем с критикой концепции трех функций выступил Н. Н. Полянский. При ее признании, как рассуждал автор, следует единственный вывод: орган расследования до начала уголовного преследования фактически никаких функций не выполняет [34, с. 115]. Две позиции метров советского уголовного процесса попытался «примирить» В. М. Савицкий, который опре-

делил функцию расследования как «вспомогательную» для трех основных и определяющую, по его мнению, «неучтенную» деятельность следователя до начала уголовного преследования [38, с. 43–44].

Наиболее прогрессивную для тех времен, как представляется, позицию занял Р. Д. Рахунов, предложивший выделять шесть процессуальных функций: расследование, обвинение, защиту, поддержание гражданского иска, защиту от иска, разрешение дела. Распределив эти функции между соответствующими субъектами уголовного процесса, автор подчеркивал, что «функция расследования дела – это не функция обвинения и с этой функцией не совпадает... следователь не осуществляет функции обвинения» [36, с. 47–48]. Данную конструкцию поддержала П. С. Элькин, характеризующая две последние функции как «побочные» [61, с. 59–66].

Во времена полного отрицания состязательного досудебного производства подобная позиция, вполне понятно, была критикована за отказ от рассмотрения структуры процессуальной деятельности в этой фазе уголовного судопроизводства. Как представляется, впоследствии произошла определенная подмена понятий и предмета дискуссии. Так, В. М. Савицкий, выступая против позиции Р. Д. Рахунова приходит, казалось бы, к достаточно логичному выводу: «раз на предварительном следствии осуществляется функция защиты, значит, здесь обязательно есть и функция обвинения» [38, с. 44], что, в принципе поддержал и В. М. Ларин [27, с. 8]. В поисках выхода из своеобразного теоретического тупика, М. С. Строгович, как представляется, принимает «соломоново решение», признавая, что расследование дела «не уголовно-процессуальная функция, а стадия уголовного процесса – дознание и предварительное следствие» [44, с. 189].

Отдельное внимание обратил М. С. Строгович на вопросы соотношения категорий «предварительное расследование» и «уголовное преследование». Так, опираясь на традиции русской уголовно-процессуальной школы [44, с. 45], ученый приходит к выводу, что «уголовное преследование – это обвинение как процессуальная функция, т. е. обвинительная деятельность», возникающая на стадии предварительного расследования [48, с. 15]. Автор признавал за ней сложный комплексный характер и включал в ее содержание: сбор доказательств,

уличающих обвиняемого или устанавливающих отягчающие его вину обстоятельства; применение к обвиняемому различных принудительных мер (мер пресечения, обысков, освидетельствований и др.), обеспечивающих изобличение обвиняемого и применение к нему наказания; обоснование обвинения перед судом, в том числе усилия, направленные на то, чтобы убедить суд в виновности обвиняемого и в необходимости применить к нему наказание [44, с. 196].

Неоднократно обращавшийся к исследованию уголовного преследования как научно-практической категории М. А. Чельцов видел непосредственную связь данной функции с производством по делу в целом [58, с. 88–89]. Как представляется, это позволило П. С. Элькинд сделать вывод, что отождествляемый то с обвинением, то с производством по делу термин «уголовное преследование» в качестве самостоятельного бесполезен [60, с. 58].

Действительно, в период кодификации советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства середины прошлого столетия законодатель не придал нормативно-правового значения доктринальному институту уголовного преследования, хотя исследование его правовой природы на теоретическом уровне продолжалось. Так, определяя соотношение функций предварительного расследования и уголовного преследования, А. М. Ларин пришел к выводу, что в последней из них заключена уголовно-процессуальная деятельность, состоящая в *формулировании и обосновании вывода* о совершении конкретным лицом конкретного общественно опасного деяния¹, предусмотренного уголовным законом [27, с. 25]. Последовательно развивал идею реализации в отечественном уголовном процессе функции уголовного преследования (возбуждения, ведения и окончания) и М. С. Строгович [44, с. 192–196].

В отечественной процессуалистике традиционно и достаточно предметно определяется личностный характер уголовного преследования, чаще всего оно связывается с фигурой обвиняемого. Так, М. С. Строгович утверждал, что уголовное преследование направлено против обвиняемого, т. е. лица, привлеченного к уголовной ответственности по обвинению в совершении преступления [44, с. 192].

Как известно, отечественное уголовно-процессуальное законодательство (в том числе и УПК РФ) никогда не регламентировало временные рамки возникновения и окончания уголовного преследования, в связи с чем и научные взгляды по этой проблеме отличаются разнообразием подходов, взглядов и позиций. Так, М. А. Чельцов началом уголовного преследования считал решение о возбуждении уголовного дела, рассматривая данный акт как акт возбуждения уголовного преследования [56, с. 214–226]. При этом автор допускал, что уголовное преследование может вестись безадресно, т. е. без конкретной фигуры обвиняемого, а именно по факту события преступления [57, с. 88–89].

Поддерживая в принципе позицию М. А. Чельцова, Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин уточняли, что «уголовное преследование лица, совершившего преступление, начинается с первого же шага предварительного расследования, независимо от того, имеются ли данные о личности правонарушителя или нет» [19, с. 69–70]. Данную точку зрения конкретизировал А. М. Ларин, выделяя две формы уголовного преследования: в форме обвинения, где процессуальный момент возникновения исследуемой функции – это вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого, и в форме подозрения, при которой актами возбуждения уголовного преследования являются протокол задержания и постановление об избрании меры пресечения до предъявления обвинения [27, с. 38].

В последние годы вновь «вышла на свет» концепция уголовного иска, что естественно в связи с попытками законодателя перевести отечественное уголовное судопроизводство на рельсы состязательности. *Публичный уголовный иск* – это предъявляемый по поводу и в связи с предполагаемым преступлением правопритязательный акт, состоящий в требовании публичного обвинителя (прокурора) к суду о признании конкретного лица виновным в совершении данного преступления и о пределах наказания, которое вправе применить к нему исполнительная власть согласно уголовному закону [1, с. 26–58]. С позиции Н. Н. Полянского, уголовный иск – это требование о защите объективного правопорядка, подразумевающее и защиту признанных этим правопорядком субъективных прав

¹ Следует обратить внимание на то обстоятельство, что данный вывод положен в основу определения понятия «обвинение» современным законодателем. Согласно п. 22 ст. 5 УПК РФ обвинение – это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК.

граждан. Через уголовный иск государство прибегает к уголовной репрессии [33, с. 11–12]. Данную точку зрения уже в этом веке поддержал Л. И. Лавдаренко, представляя уголовный иск как «ходатайство о судебной защите», с которым к суду обращаются субъекты уголовного преследования [26, с. 18].

Данную позицию в последние годы своего творческого пути признал и М. С. Строгович, который с группой единомышленников пришел к выводу, что уголовное преследование (обвинение) по юридической природе и социальной сущности представляет собой именно уголовный иск [35, с. 126]. Публично-правовая природа судебной защиты права против его нарушения является родовой чертой любого иска, в чем и заключается конструктивное значение искового понимания обвинения. При этом судебная проверка основательности правопритязания предшествует признанию и принудительному осуществлению последнего. Таким образом, посредством исковой формы задается определенный алгоритм действий власти в отношении индивида в связи с предполагаемой реализацией в отношении него уголовной репрессии [2, с. 10].

В связи с этим Н. Н. Полянский отмечал: «Суд, по общему правилу, разрешает иск. Всякий иск есть утверждение, что какому-либо физическому лицу, корпорации, учреждению или даже самому государству – *принадлежит* какое-либо право, например, право наказывания. Это утверждение нуждается в проверке со стороны суда» [33, с. 8]. Действительно, государственное обвинение начинается с предъявления уголовного иска. Требование прокурора о судебном преследовании преступника находит свое выражение не только в составлении обвинительного заключения, но и предъявлении его суду. Именно применительно к данному процессуальному моменту и следует говорить об уголовном иске [59, с. 33–34].

Таким образом, обвинение в состязательном уголовном процессе, в том числе и государственное обвинение – это уголовный иск, предъявляемый отдельными субъектами (обвинителями) и в различных интересах. При этом исковая деятельность обвинителя – это главным образом его деятельность перед судом. Однако совершенно очевидно, что предъявление и поддержание уголовного иска в суде является продолжением обвинительной деятельности (уголовного преследования), начатой в досудебный период. Более

того «досудебная подготовка уголовного иска есть обвинительный розыск, деятельность по собиранию обвинительных доказательств, принятию мер процессуального принуждения и иных мер, реально ограничивающих права и свободы или (и) ставящих их под угрозу ограничения, с целью установления лица, совершившего преступление, изобличения этого лица, пресечения его преступных действий, обеспечения возмещения вреда, причиненного его преступными действиями, обоснования обвинения. В процессуальном смысле обвинение предстает как уголовное преследование. Уголовное преследование – это деятельность, осуществляемая прокурором и другими органами уголовного преследования (участниками стороны обвинения) по привлечению к уголовной ответственности подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» [2, с. 11].

Иными словами, *досудебное уголовное преследование* заключается в осуществлении процессуальной подготовки и обосновании *материально-правовых притязаний* обвинительной власти к ответчику, которым выступает обвиняемый. В связи с этим А. С. Александров и М. П. Поляков приходят к выводу, что в широком смысле понятие «обвинение (обвинительная деятельность)» совпадает с понятием «уголовное преследование», а та часть этой деятельности, которая предшествует судебному рассмотрению уголовного иска, именуется *досудебным уголовным преследованием* и заключается в досудебной деятельности прокурора и иных органов уголовного преследования по подготовке уголовного иска [2, с. 13].

3. *О действии отдельных принципов: презумпции невиновности, состязательности и равноправия сторон.* Знаменитая аксиома М. С. Строговича, казалось бы, разрубившая «гордиев узел» противоречий теоретического понимания и правоприменительного толкования конституционного положения о презумпции невиновности, остается актуальной и поныне. Действительно, *презумпция невиновности* с позиции ученого «вовсе не является выражением субъективного мнения того или другого субъекта уголовно-процессуальной деятельности, она является выраженным в законе *объективным правовым положением*» [42, с. 36]. При этом презумпция невиновности тесно связана с правом обвиняемого на защиту, которое выступает «интегрированным выражением всей совокупности

принадлежащих обвиняемому процессуальных прав, осуществляя которые он может защищаться от предъявленного ему обвинения, оспаривать его, приводить доказательства и доводы в свое оправдание или для смягчения своей ответственности...» [42, с. 37].

Еще в 1947 г. М. С. Строгович формулировал презумпцию невиновности как предположение невиновности лица, пока его виновность не будет доказана [51, с. 231, 235]. Данную дефиницию и сам институт презумпции невиновности М. А. Чельцов абсолютно обоснованно считал не только и не столько уголовно-процессуальными, а скорее общеправовыми понятием и категорией [58, с. 181]. Как представляется, данный вывод не теряет актуальности и в современной науке уголовного процесса, так как предложенная трактовка действия презумпции невиновности позволяет хотя бы теоретически нейтрализовать те противоречия, которые возникают при ее реализации в уголовном досудебном производстве. В практической правоприменительной деятельности: для следователя, дознавателя и прокурора они вряд ли имеют существенное и принципиальное значение. Как пишет Э. И. Клямко, «главное содержание презумпции невиновности – процессуальное ограничение правоприменителя; ее этические аспекты должны носить подчиненный характер...» [23, с. 97].

В ходе принципиальной дискуссии о существовании презумпции невиновности в советском уголовном процессе М. С. Строгович особо отмечал позицию ярого ее сторонника В. Н. Кудрявцева [23, с. 51], который предлагал вывести презумпцию невиновности за пределы уголовного судопроизводства и распространить ее действие на все виды репрессивной деятельности, в том числе в рамках административного и дисциплинарного производства и даже в деятельности товарищеского суда [24, с. 250]. При этом автор отмечал, что «прежде чем налагать какое-либо взыскание за правонарушение, надо доказать, что оно совершено именно этим лицом. Нетрудно видеть, что в презумпции невиновности находят свое выражение не только правовые, но нравственные гуманистические принципы...» [24, с. 251].

Рассматривая роль презумпции невиновности в процессе доказывания, М. С. Строгович делает два принципиальных вывода: «1) если обвиняемый, не признающий своей вины, не представил доказательств своей невиновности полностью,

без малейших изъятий, сохраняется требование закона, чтобы суд, прокурор, следователь, орган дознания сами собрали и исследовали все доказательства, свидетельствующие в пользу невиновности обвиняемого; 2) *непредставление обвиняемым доказательств своей невиновности не является доказательством его виновности*» [42, с. 48].

Вместе с тем в науке уголовного судопроизводства длительное время не угасала теоретическая полемика по поводу действия принципа презумпции невиновности именно в досудебном производстве, в результате которой сформировались две противоположные позиции: презумпцию невиновности следует считать опровергнутой лишь при вступлении приговора в законную силу либо презумпция невиновности прекращает свое действие с момента формирования убеждения о виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности.

Как известно, Н. Н. Полянский был убежден, что «следователь, привлекающий лицо в качестве обвиняемого, не руководствуется презумпцией невиновности, а наоборот, он исходит из признания лица виновным» [32, с. 186]. По мнению В. Д. Арсеньева, «достоверное установление виновности осуществляется уже в момент привлечения лица в качестве обвиняемого, и, как следствие этого, презумпция невиновности для него уже не действует» [4, с. 55]. И лишь значительно позднее В. П. Божьев, соглашаясь с М. С. Строговичем, что презумпция невиновности – объективная категория, сделал вывод о возможности ее *опровержения* доказательствами, полученными, проверенными и оцененными в установленном законом порядке [6, с. 88]. Более того, подобное опровержение происходит трижды: на предварительном расследовании, у прокурора и в суде [29, с. 9–11].

В юридической литературе, кроме того, неоднократно ставился и исследовался проблемный вопрос о действии презумпции невиновности в связи с прекращением уголовного дела по нереабилитирующим основаниям [16, с. 152–154; 42, с. 69–75; 55, с. 244–260]. М. С. Строгович категорически отрицал возможность признания обвиняемого виновным на стадии предварительного следствия путем констатации данного факта в постановлении о прекращении дела [42, с. 70–73], тогда как А. П. Гуляев оставляет подобное право за следователем [16, с. 152–154], а Г. П. Химичева считает, что принцип

презумпции невиновности не исключает возможности прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям [55, с. 12].

Как известно, разрешение данной проблемы связано с постановлением Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гр-на О. В. Сушкова», в котором экспертируемая норма была признана соответствующей Конституции РФ, «поскольку прекращение уголовного дела вследствие изменения обстановки не означает установления виновности лица в совершении преступления, не препятствует осуществлению им права на судебную защиту и предполагает получение его согласия на прекращение уголовного дела по указанным основаниям»².

Вместе с тем становится все более очевидным, что данный институт современного уголовного процесса в таком виде «не совсем вписывается» в предложенную законодателем и реализуемую модель судопроизводства, где положение обвиняемого и роль суда кардинально изменились. В условиях состязательного процесса, что в полной мере подтверждает отечественный и зарубежный опыт, решения о прекращении уголовного процесса, тем более по реабилитирующим для лица основаниям – это, безусловно, прерогатива суда (либо его представителей: следственного судьи или судебного следователя). При появлении подобных оснований вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении отдельного лица может решаться в формах, предусмотренных гл. 40 УПК РФ. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по иным основаниям, безусловно, должно допускаться в ходе уголовного досудебного производства органом, его осуществляющим.

Безусловно, самым заметным и значительным трудом, посвященным проблемам состязательности, явилась докторская диссертация М. С. Строговича, изданная самостоятельной книгой, где профессор отмечал: «Состязательность процесса есть важнейшая проблема природы процесса, всего построения процессуальной системы... Состязательность – это есть совокупность некоторых общих формальных признаков. Вообще же в каждой процессуальной системе в различные исторические эпохи состязатель-

ность имеет совершенно различное значение, различные формы и выражение» [47, с. 103]. Знаменательно, что «дискурс о состязательности был для советской уголовно-процессуальной доктрины характерен в значительно большей степени, чем для французской или германской, особенно после выхода в 1939 г. знаменитой монографии М. С. Строговича» [14, с. 110].

Признавая состязательность в качестве принципа советского уголовного процесса, М. С. Строгович особо отмечал, что в его построении «функция обвинения отделена от функции решения дела по существу и обвиняемому принадлежит право оспаривать обвинение перед судом» [50, с. 60]. По мнению автора, состязательность «свое наиболее полное (выделено нами.– Ю. Д.) применение находит в стадии судебного рассмотрения, так как только в этой стадии появляются стороны – обвинение и защита, снабженные равными процессуальными правами». При этом «в известных пределах элементы состязательности имеются и на предварительном следствии, на котором обвиняемому обеспечиваются процессуальные права, используя которые он может защищаться против предъявленного ему обвинения и которые и в этой стадии процесса придают обвиняемому характер субъекта процесса (а не объекта исследования)» [50, с. 60]. И далее, как вывод. «Хотя предварительное следствие в целом не является состязательным, так как в нем нет состязательной борьбы перед судом, но элементы состязательности в нем несомненно имеются» [47, с. 13]. Иными словами, М. С. Строгович теоретически допускал возможность проникновения «неотчетливой» состязательности [13, с. 8] в досудебное производство, хотя, по мнению Л. В. Головки, данная позиция профессора наиболее сложная для современного понимания и несколько противоречива [14, с. 108].

Возможно именно в связи с этим, а также в качестве реакции на изменение «генеральной линии» развития уголовно-процессуального законодательства государства, М. С. Строгович вынужден был позднее признать, что в стадии предварительного следствия *состязательности нет*, поскольку отсутствуют стороны и не участвует суд. Обеспечение права обвиняемого на защиту без состязательности, по мнению автора, возможно потому, что «на предварительном

² Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1996. № 5.

следствии лишь выясняются и подготавливаются условия и данные, необходимые для рассмотрения дела судом», но не решается вопрос о признании обвиняемого виновным, что является прерогативой суда [45, с. 87]. При этом «состязательность полностью осуществляется в стадии судебного разбирательства, где последовательно и четко проведено разделение процессуальных функций между сторонами и судом. Принцип состязательности находит развернутое выражение тогда, когда в процессе участвуют прокурор, поддерживающий обвинение в отношении подсудимого, и защитник-адвокат, защищающий подсудимого» [44, с. 162].

Действительно, первый советский УПК РСФСР, принятый 25 мая 1922 г., хотя и не совсем последовательно ориентируясь на смешанную форму процесса, тем не менее ввел элементы состязательности на предварительном следствии. Это, прежде всего, выражалось в *организационной* и, в известной мере, *процессуальной независимости* следователя, состоявшего при судебном ведомстве. Следователь рассматривался как носитель функции юстиции, отделенной от функции обвинения, которую осуществляли прокурор и подчиненные ему органы дознания.

Вместе с тем следующий советский УПК РСФСР 1923 г. заметно «растерял» начала состязательности на предварительном следствии. Критикуя устранение ряда принципиальных положений прежней редакции УПК, П. И. Люблинский констатировал, что «при отсутствии состязательности предварительное следствие направляется исключительно волею следователя, *корректируемою лишь надзором прокуратуры* (выделено нами. – Ю. Д.)» [28, с. 9]. По мнению А. В. Смирнова, данное построение «привело в итоге к полной ликвидации состязательного начала на предварительном расследовании и к подчинению следователя прокурорской власти» [40, с. 58–59].

Окончательно досудебное производство утратило основные признаки состязательности к 1929 г., когда следственный аппарат попал в организационное подчинение органов прокуратуры, а полномочия органов дознания практически были уравнены с полномочиями следователя. В этот период, по существу, произошло соединение прокурорско-дознательской функции уголовного преследования и следственной (юстиционной) функции принятия решения по делу, что позднее констатировал М. С. Строгович

[46, с. 23]. В результате применительно к характеристике фигуры следователя «прилагательное “судебный” заменено другим – “советский”, что по идеологическим канонам недавнего времени считалось весьма возвышенной характеристикой» [22, с. 63].

Поддерживая подобную конструкцию и выделяя данную персону как знаковую в советском уголовном процессе, М. С. Строгович назидательно отмечал: «Советский следователь должен сочетать в работе: максимальную активность и настойчивость в преследовании и изобличении совершивших преступление лиц; максимальную объективность в расследовании, отсутствие предвзятости и вдумчивое, чуткое отношение к привлекаемым к делу лицам» [43, с. 40].

Следующий советский УПК РСФСР 1960 г. состязательность предварительного расследования практически игнорировал, хотя по общему правилу защитник допускался в стадию предварительного следствия, но лишь с этапа его окончания, что было явно недостаточно для проявления данного принципа в досудебном производстве.

Многое изменилось с принятием УПК РФ и элементы состязательности на предварительном следствии, о которых говорил М. С. Строгович, стали более отчетливыми и предметными. Они проявились, в первую очередь, через значительную трансформацию роли суда-арбитра в досудебном производстве за счет расширения возможностей судебного контроля законности данной деятельности, а с этим заметно «открылись» многие процедуры предварительного расследования. Последовательно укрепляется позиция стороны защиты именно в досудебном производстве, повышаются стандарты уголовно-процессуального доказывания. И это объективно, хотя *настаивать на необходимости обязательной состязательности* досудебного производства (при его современной организации) нет никакой необходимости.

И в заключение. Нельзя не согласиться с суждением Л. В. Головки, который вполне обоснованно считает, что «государство не только не может, но и не должно состязаться со своими гражданами. Оно обязано сделать другое: во-первых, обеспечить подозреваемому и обвиняемому право на защиту, в т. ч. в ходе несостязательного предварительного расследования; во-вторых, так организовать судебное разбирательство, разделив функции своих представителей (прокурора

и суда) и наделив одного из них функцией стороны обвинения (без процессуальной власти), а другого – функцией правосудия (с полнотой процессуальной власти), чтобы судебное разбирательство было максимально состязательным. Никакой другой состязательности в уголовном процессе не бывает. Таковы объективные институциональные закономерности, о которых следует помнить, остановив бессмысленную погоню за миражами вроде «равенства оружия» и занявшись разработкой более реалистичных концепций» [14, с. 117]. При этом «наследие М. С. Строговича, в частности его учение о состязательности, является для этого прекрасной отправной точкой. Его следует только переосмыслить в новых исторических и политических условиях» [13, с. 8].

4. *О месте следственного аппарата в системе уголовной юстиции.* Оптимизация досудебного производства, как представляется, предполагает наряду с его внутренними процедурными изменениями определенное реформирование функционального состояния (организационного устройства) органов, его осуществляющих. В связи с этим всегда в сфере особого внимания отечественной процессуалистики находились проблемы праксиологии [30, с. 320] досудебного производства по уголовным делам, схемы определения места следственного аппарата в государственно-правовом механизме, в том числе и с учетом принципа разделения властей.

Как известно, процессуальная карта мира выделяет две основные модели досудебного производства: англосаксонскую (англо-американскую) и континентальную (романо-германскую)³. Если в первой модели функция предварительного исследования обстоятельств преступления полностью возложена на исполнительную ветвь власти, прежде всего полицейские и иные административные органы, то для второй модели характерно отнесение функции расследования тяжких преступлений к судебной власти, представленной судебными следователями либо следственными судьями с сохранением в юрисдикции исполнительной власти (полиции под руководством прокуратуры) дознания как способа расследования менее тяжких преступлений (уголовных проступков и иных правонарушений). При этом любая из рассматриваемых моделей в своей основе имеет разную степени

принципиальности разграничение предварительного расследования, проводимого либо *исполнительной* ветвью власти, либо властью *судебной* [65, с. 1–20].

При этом для состязательного процесса (в том числе англосаксонского) характерно стремление к «доказанности» (proof), а не к «истине» (truth). Иными словами публичные интересы и достижение истины *во что бы то ни стало*, как это происходит в государствах континентальной Европы, для англосаксонской системы безразличны. Для нее приоритетность гражданских свобод, обеспечивающих «максимально оправдание невиновных с риском оправдания кого-то из виновных» [71, с. 773], вполне очевидна. Досудебная уголовно-процессуальная деятельность в исследуемой правовой системе чаще всего ограничивается полицейским расследованием и предполагает «семь шагов»: 1) получение информации о преступлении и ее регистрация; 2) расследование, предшествующее аресту (предарестное расследование); 3) арест; 4) оформление ареста; 5) собирание данных после произведенного ареста; 6) принятие решения об обвинении и 7) представление дела в суд [66, с. 320].

Как правило, полицейское расследование завершается представлением собранных материалов должностному лицу (в подавляющем большинстве случаев в Англии – это работники упомянутой выше Королевской службы преследования, в США – атторнейской службе (прокуратуре) для формулирования обвинения, решения вопроса о передаче дела в суд [71, с. 774] и продолжении уголовного преследования (поддержании обвинения) в суде. Таким образом, досудебное производство (investigation) в англо-американском уголовном процессе во многом тяготеющее к сфере административных правоотношений [64, с. 90], осуществляется по выработанным процессуальным правилам и фактически представляет собой часть уголовного процесса, хотя и наименее формализованную.

На развитие *судопроизводства континентальной Европы*, в том числе, и на российский уголовный процесс, как известно, значительное влияние оказал французский Кодекс уголовного расследования (Code d'instruction criminelle) 1808 г. [12, с. 4]. Вместе с тем следует признать, что русский уголовный процесс в своей организации оказал также существенное влияние

³ Данные модели, соответственно, принадлежат англосаксонской и романо-германской доктринам уголовно-процессуального права.

и на построение уголовного судопроизводства Франции, которое достаточно четко определилось как совокупность отдельных стадий, распадающаяся на предварительное (дознание, возбуждение уголовного преследования, предварительное следствие) и окончательное производство (судебное разбирательство, апелляция и кассация).

Дознание рассматривается как первая стадия французского уголовного процесса, начинающаяся с момента получения информации о преступлении и заканчивающаяся принятием прокурором решения о наличии оснований для возбуждения уголовного преследования [70, с. 55]. Иными словами во Франции «дознание – это совокупность предварительных исследований, предпринимаемых должностным лицом судебной полиции, обязанным установить обстоятельства дела прежде, чем собственно публичный иск будет предъявлен в юрисдикцию, призванную его рассмотреть и высказаться по существу» [63, с. 14]. Судебная полиция действует под руководством прокурора республики, однако роль ее настолько существенна, что дознание нередко называют «полицейской стадией процесса» [67, с. 338].

Отсутствие процессуального акта, обозначающего начало дознания, и некоторая неопределенность формулировок ст. 14 УПК Франции породили дискуссию ученых-процессуалистов относительно разграничения *отдельных форм дознания*. Практически всеми процессуалистами принято наличие двух общих форм – дознание очевидных преступлений или проступков (ст. 53 УПК Франции) и первоначального дознания, которое проводится при отсутствии признаков очевидности (ст.ст. 75–78 УПК Франции). Вместе с тем Л. В. Головкин, опираясь на концепцию профессора М.-Л. Расса [69, с. 137], выделяет еще два специальных вида дознания (уголовно-процессуальное значение которых неоднозначно в связи с размыванием границ между деятельностью административной и судебной полиции): дознание сомнительной смерти и проверка личности [12, с. 29].

Такая неопределенность, как следствие, породила дискуссию о правовой природе процессуальных действий участников дознания, результатом чего явилось выделение трех основных позиций: проводимые в ходе дознания действия не могут относиться к следственным [62, с. 54], процессуальные действия судебной полиции – это следственные действия [68, с. 164], и, на-

конец, позиция, ставшая приоритетной, господствующей, – это специфические процессуальные полицейские действия [67, с. 372; 70, с. 390].

Таким образом, французское дознание (в отличие, например, от германского досудебного производства, которое исчерпывается проведением дознания) может продолжиться стадией предварительного следствия. В теории французского уголовного процесса дознание является общим расследованием (*inquisitio generalis*), направленным на установление события преступления и виновного лица. Последующее предварительное следствие призвано выполнить задачу специального расследования (*inquisitio specialis*), т. е. собрать доказательства совершения преступления и решить вопрос о предании обвиняемого суду [72, с. 7–8].

Необходимо признать, что преобладание российского уголовного процесса по отношению к другим правовым системам особо прослеживается в УПК РФ, где присутствуют в разных пропорциях элементы как континентальной, так и англо-американской моделей уголовного права. Поистине, «вся цивилизация в области процесса определяется англо-французскими положениями» [54, с. 44].

Вместе с тем справедливости ради следует признать, что при решении вопросов оптимальной организации досудебного производства в отечественном уголовном процессе почти всегда игнорировался подход именно процессуально-правовой. Законодательную идею, а порой, и здравый смысл неоправданно часто подменяли рассуждениями об устоявшихся традициях, «государственной значимости» их сохранения. Здравые предложения не выдерживали давления со стороны отдельных ведомственных и довольно амбициозных интересов, экономической, управленческой и иной целесообразности и т. п. Кабинетный идеализм почти всегда держал верх.

При этом нельзя отрицать, что уголовно-процессуальная наука с этим всегда мирилась. Вопрос о месте и роли отечественного следственного аппарата стал неотъемлемой частью предмета многих исследований, обсуждений практикующих юристов. В зависимости от исторических и политических шагов, которые делала наше государство, а также связанных с ними правотворческих процессов, научная дискуссия по этому поводу то разгоралась, то вновь уходила в более вялое состояние, чтобы вспыхнуть с новой силой.

Наиболее яркие, как представляется, дебаты о месте следственного аппарата в государственном механизме, в которой активное участие принял М. С. Строгович, состоялись в середине 50-х гг. прошлого столетия. Так, предметом резкой, но обоснованной критики вновь выступило процессуальное и организационное положение следователей прокуратуры, которые, по мнению экспертов, практически «растворились» в аппарате надзорного ведомства. Выступая против продолжающегося сближения прокурорского надзора со следствием, А. Н. Васильев констатировал прямую заинтересованность прокурора в формально-статистическом благополучии следственной работы. Так, «прокурор, например, не вернет следователю дело на дополнительное расследование, ибо этим самым он возвращает дело самому себе» [8, с. 22]. Серьезно осуждался *параллелизм* в организации органов предварительного следствия страны, который появился за счет «нелегально» организованного следственного аппарата органов внутренних дел, наряду с официальным следствием в прокуратуре, что объективно оказывало отрицательное влияние на выполнение милицией своих основных функций по предотвращению и раскрытию преступлений [3, с. 26].

Об актуальности данной проблемы свидетельствует выступление на VI сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва депутата Э. К. Пусэпа, который предложил сосредоточить производство следствия по уголовным делам в едином следственном органе, ликвидировав параллельную работу следственных органов прокуратуры и милиции⁴. Некоторые эксперты склонялись к сосредоточению предварительного следствия в органах милиции, а не в прокуратуре, так как, «прокурор, руководя, а значит, отвечая за следствие, утрачивает необходимую независимость как орган, осуществляющий надзор за следствием, а также ...выступая в суде с поддержанием обвинения, прокурор, руководящий следователями, настолько связал себя всеми его достоинствами и недостатками, что вряд ли может претендовать на необходимую объективность...» [5, с. 41–43]. Предлагалось также создание единого следственного аппарата для производства предварительного следствия по всем уголовным делам (кроме дел, расследуемых органами госбезопасности) в органах юстиции или

милиции, а также установление для этого единого процессуального режима [31, с. 115–121].

Вместе с тем объективности ради следует отметить, что большинство ученых и практических работников, принявших участие в дискуссии, настаивали на сохранении следственного аппарата в органах прокуратуры. Категорически против передачи расследования уголовных дел в милицеские подразделения возражал и М. С. Строгович, выступая также противником и более осторожного предложения – поделить функцию расследования между прокуратурой и милицией. Напомнив, что точка зрения о передаче следственного аппарата в органы милиции получила известное распространение еще в 30-х годах, М. С. Строгович заключил, что «ведение предварительного следствия – это функция юстиции, а не милиции (выделено нами. – Ю. Д.), и она не может быть сосредоточена в органе, ведающем оперативно-розыскной деятельностью. Предварительное следствие ведется таким образом, чтобы результаты оперативно-розыскной деятельности органов дознания подвергались тщательной проверке, все обстоятельства дела были исследованы полно и объективно и все доказательства всесторонне проверены. От объединения предварительного следствия с оперативно-розыскной деятельностью страдают оба» [46, с. 22–23]. Идею «единого следственного аппарата» автор связывал лишь с сохранением права производства предварительного следствия исключительно за органами прокуратуры. Очевидно соглашаясь с этим, Г. Р. Гольст заявил, что не считает принципиальным, где будет находиться следственный аппарат – в органах прокуратуры или Министерстве юстиции, принципиально то, что «он не должен быть соединен с оперативными органами Министерства внутренних дел» [15, с. 74].

Позицию сохранения предварительного следствия в органах прокуратуры полностью поддержал печатный орган Прокуратуры СССР, журнал «Социалистическая законность» (№ 8, за август 1957 г), который в передовой статье подверг острой критике предложение С. В. Бородина и А. Я. Груна о целесообразности сосредоточения следственного аппарата в системе Министерства юстиции страны [7, с. 94–95]. При этом авторам ставилось в вину «отлучение» предварительного следствия от прокурорского надзора и нарушение «вертикали» его руководства на местах⁵.

⁴ Правда. 1957. 11 февр.

⁵ Социалистическая законность. 1957. № 8. С. 4–5.

Как известно, «верх взяла» позиция, поддержанная М. С. Строговичем и его сторонниками, которая и нашла свое отражение в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а затем и в отдельных республиканских УПК. Фактически данная организация досудебного производства с некоторыми «структурными перестановками» сохранилась до сегодняшнего дня.

Вместе с тем шестидесятилетняя практика функционирования современной системы органов предварительного следствия не только не притушила проблему создания эффективного и работоспособного следственного аппарата, но и показала ее перманентно нарастающую злободневность. Органы предварительного расследования государства в их построении и процедурном обеспечении продолжает лихорадить. Сохраняются проблемы эффективности данной деятельности, количественного и качественного некомплекта, внешних и внутренних взаимоотношений следователя и его процессуального руководства: законодатель окончательно запутался в формах организации контроля и надзора за уголовным досудебным производством.

Вполне очевидно, что современный законодатель отказался от досудебного *исследования* обстоятельств совершенного преступления в пользу уголовного *преследования* (прокурорского или полицейского дознания), что повлекло за собой снижение качества досудебного производства, а это, при значительном повышении требований законодателя к стандартам доказывания (особенно при разрешении дела в суде с участием присяжных заседателей), привело к определенному дисбалансу всего уголовного судопроизводства.

В первую очередь это стало следствием непонимания или сознательного игнорирования правовой природы и предназначения предварительного следствия – предварительного, т. е. *досудебного исследования* обстоятельств совершенного преступления.

Предварительное расследование в России лишь в период с 1860 по 1928 гг. развивалось на основе признания за ним юстиционных корней, т. е. рассматривалось в качестве функционала власти судебной. Как отмечалось выше,

уже с 20-х гг. прошлого столетия уголовное досудебное производство все больше подчинялось власти обвинительной и в результате полностью попало в организационную и правовую зависимость от административных органов государства.

Вместе с тем вполне очевидно, что по своей гносеологической, правовой, аксиологической и историко-генетической природе *следственная власть* является производной от власти судебной при полном *совпадении их назначения*, в связи с чем предварительное следствие есть *функция юстиции*, а следователь должен рассматриваться как ее представитель и находиться *при* судебном ведомстве. Именно принадлежность к судебной власти, целеполагание которой (установление истины) полностью совпадает с назначением предварительного следствия, обеспечивает не только процессуальную самостоятельность следователя, но и является предпосылкой вынесения законного, объективного и справедливого приговора. Возвращение в современной России к институту *судебного следователя* будет являться важным юридическим, идеологическим, социально-политическим и организационно-техническим актом реформирования отечественного уголовного досудебного производства. При этом принадлежность следователя к судебной власти не только становится гарантией его процессуальной самостоятельности и независимости, но и создает объективные условия формирования состязательного досудебного производства.

В данной схеме прокурор должен выступать в *разных ролях*: при производстве предварительного следствия – исключительно как сторона обвинения, полностью лишенная надзорных полномочий; в доследственном и сокращенном производствах – как процессуальный руководитель уголовного преследования, совмещающий функцию обвинения и надзора за законностью уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Разграничение функций разрешения дела по существу и осуществления судебного контроля за законностью и обоснованностью предварительного следствия обеспечивается введением относительно независимой от суда фигуры *следственного судьи* (при судебно-следственных палатах или судебно-следственных коллегиях), выполняющего самостоятельную судебно-контрольную функцию⁶.

⁶ Как известно, во Франции, наряду со следственным судьей (судебным следователем), осуществлявшим как предварительное следствие, так и судебный контроль за расследованием, проводимым судебной полицией, в уголовный процесс введена должность *судьи по свободам и заключению*, которому по Закону от 15 июня 2000 г. перешла часть полномочий следственного судьи и который стал еще одним судебным органом, обеспечивающим законность предварительного следствия (право принятия решения о заключении под стражу принадлежит теперь только последнему).

Таким образом, понятием «предварительное расследование» должно охватываться, во-первых, производство органами, осуществляющими уголовное преследование (прокурором и подчиненными ему органами дознания), неотложных или первоначальных следственных действий либо сокращенного (ускоренного) производства и, во-вторых, производимое следователем предварительное следствие. При этом основным критерием выбора режима предварительного расследования должно выступать наличие (или отсутствие) спора между сторонами при разрешении уголовно-правового конфликта (уголовного иска). В первом случае обязательно производство предварительного следствия (с элементами состязательности), а сокращенное производство допускается лишь при отсутствии подобной правовой коллизии. При этом необходимо обеспечить *гибкость выбора режима* досудебного производства, исходя из особенностей уголовного дела, и при дальнейшем законодательном поиске *альтернатив* уголовному преследованию.

Предварительное следствие как квалифицированная форма расследования должно осуществляться по преступлениям (как правило, тяжким и особо тяжким), требующим тщательного исследования обстоятельств криминального события и его последствий. Следует оптимально упростить досудебную подготовку материалов уголовного дела о преступлениях, не требующих предвари-

тельного следствия, а современную стадию возбуждения уголовного дела и дознание заменить «уголовным розыском в широком смысле» (полицейское дознание и сокращенное производство). Именно данная деятельность должна стать *основой уголовного преследования* (по подавляющему большинству преступлений), т. е. обвинительного производства, осуществляемого прокурором и руководимыми им органами дознания.

Объективная оценка современной организации предварительного производства по уголовным делам в полной мере свидетельствует о наступлении «момента истины», где процессуальной науке уготована особая роль: освободившись от узковедомственных и сиюминутных амбиций, найти и предложить государству единственно верные шаги по оптимизации процедурного и функционального построения уголовного досудебного производства.

При этом сохраняется уверенность, что наследие М. С. Строговича будет в этом большим подспорьем, так как труды ученого «интересны и актуальны и сегодня именно богатством юридического содержания: идеями, аргументацией предлагаемых решений, оценкой современного ему законодательства. Нельзя сказать, что его взгляды не менялись. Долгая жизнь в науке без этого невозможная. Но неизменно оставалась верность идеям законности, всесторонней защите прав личности, презумпции невиновности, состязательности» [11, с. 119].

Список литературы

1. Александров А. С., Гуцев В. Е. Субсидиарный уголовный иск. Н. Новгород : Нижегород. юрид. ин-т МВД России, 1999. 102 с.
2. Александров А. С., Поляков М. П. Уголовное преследование: лекция-консультация. М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 56 с.
3. Александров Г. Насущные вопросы предварительного следствия // Социалистическая законность. 1954. № 4. С. 22–28.
4. Арсеньев В. Д. К вопросу о презумпции невиновности в свете новой Конституции СССР. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1979. 104 с.
5. Барсуков М. В. За дальнейшее совершенствование организации и деятельности советской милиции // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 41–43.
6. Божьев В. П. Уголовный процесс : учеб. для студентов вузов. М. : Спарк, 2002. 704 с.
7. Бородин С. В., Грун А. Я. К вопросу о реформе следственного управления и следственного аппарата в СССР // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 94–95.
8. Васильев А. Н. Вопросы прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием // Социалистическая законность. 1953. № 9. С. 21–24.
9. Васильев О. Л. Цели и задачи предварительного расследования и его форм // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2002. № 3. С. 20–43.
10. Ветрова Г. Н. Научное наследие М. С. Строговича – традиции гуманизма в российском уголовном процессе // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : материалы конф. 24–25 окт. 2019 г., Москва. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 13–22.
11. Ветрова Г. Н. Опередивший время – Михаил Соломонович Строгович // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 118–137.
12. Головки Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М. : Спарк, 1995. 130 с.

13. Головкин Л. В. Идеи М. С. Строговича и современность: переосмысливая принцип состязательности // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : материалы конф. 24–30 окт. 2019 г., Москва. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 7–13.
14. Головкин Л. В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118. DOI: 10.31857/S013207690009942-8.
15. Гольст Г. Р. Основные задачи предварительного расследования в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 71–79.
16. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. 192 с.
17. Деришев Ю. В. О современной отечественной уголовно-процессуальной науке в общем и организации следственного аппарата в частности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 74–91. DOI: 10.17223/22253513/31/7.
18. Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. 437 с.
19. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. 206 с.
20. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие. М., 1965. 368 с.
21. Зайцев О. А., Абдуллаев Ф. Г. Дознание по УПК РФ // Уголовное право. 2002. № 3. С. 77–79.
22. Кальницкий В. В. Соотношение уголовного досудебного и судебного производства как учебная проблема // Законодательство и практика. 2018. № 1 (40). С. 63–67.
23. Клямко Э. И. О правовом содержании презумпции невиновности // Государство и право. 1994. № 2. С. 90–97.
24. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. 287 с.
25. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин. М. : Статут, 2016. 1278 с.
26. Лавдаренко Л. И. Функция следователя в российском уголовном процессе: проблемы реализации, перспективы развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2001. 28 с.
27. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. 160 с.
28. Люблинский П. И. Предварительное следствие // Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Практический комментарий / под ред. Н. Н. Полянского и П. Н. Малянтовича. М. : Право и жизнь, 1923. 46 с.
29. Нажимов В. П. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности в советском уголовном процессе // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. Калининград, 1982. С. 9–11.
30. Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2001. Т. 1–4. 2659 с.
31. Перлов И. Д., Рагинский М. Ю. Назревшие вопросы дознания и предварительного следствия // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 115–121.
32. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. 271 с.
33. Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. 212 с.
34. Полянский Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. 127 с.
35. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников. М., 1981. 224 с.
36. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. 277 с.
37. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: свежий взгляд на старые проблемы // Юридическое образование и наука. 2020. № 8. С. 28–35. DOI: 10.18572/1813-1190-2020-8-28-35.
38. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975. 383 с.
39. Смирнов А. В. Современные проблемы следственной власти в России // Уголовный процесс. 2009. № 12. С. 41–48.
40. Смирнов А. В. Эволюция исторической формы советского уголовного процесса и предварительное расследование // Советское государство и право. 1990. № 12. С. 58–59.
41. Строгович М. С. Вопросы уголовного процесса и новая Конституция // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 40–46.
42. Строгович М. С. Избранные труды : в 3 т. М. : Наука, 1991. Т. 3: Теория судебных доказательств. 300 с.
43. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М. : Наука, 1970. Т. 2. 517 с.
44. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М. : Наука, 1968. Т. 1. 468 с.
45. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. 703 с.
46. Строгович М. С. О дознании и предварительном следствии и о «едином» следственном аппарате // Социалистическая законность. 1957. № 5. С. 21–25.
47. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. 151 с.
48. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М. : Изд. АН СССР, 1951. 191 с.
49. Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1946. 510 с.
50. Строгович М. С. Учебник уголовного процесса. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 246 с.
51. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 276 с.
52. Уголовный процесс : учеб. для вузов / Б. Б. Булатов [и др.] ; под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 567 с.
53. Уголовный процесс : учеб. для вузов / под общ. ред. П. А. Лупинской. М., 1995. 544 с.
54. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. 552 с.
55. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : моногр. М. : Экзамен, 2003. 352 с.
56. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. 511 с.
57. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962. 503 с.

58. Чельцов М. А. Уголовный процесс. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. 624 с.
59. Шифман М. Л. Прокурор в уголовном процессе. М., 1948. 248 с.
60. Элькин П. С. Расследование и судебное рассмотрение дел о невеняемых. М. : Госюриздат, 1959. 111 с.
61. Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л. : Изд-во ЛГУ, 1963. 172 с.
62. Bouloc B. L'acte d'instruction. Paris, 1965. 712 p.
63. Denis G. L'enquete premlinaire. Etude theorique et pratique. Paris, 1974. 434 p.
64. Eldefonso E., Coffey A. R. Criminal Law: History, Philosophy, Enforcement. N.-Y., 1981. 304 p.
65. Investigation of Crimes and Accident. Pennsylvania, 1949. 247 p.
66. Kamisar Y., LaFave W. R., Israel J. H. Modern Criminal Procedure: Cases, Comments and Questions. 7th ed. St. Paul : West, 1990. 1698 p.
67. Pradel J. Droit pénal. Paris, 1993. Т. 2: Procédure pénale. 984 p.
68. Rassat M.-L. Droit penal et procedur penal. Paris, 1986. 208 p.
69. Rassat M.-L. Le ministere pudlic entre son passé et son avenir. Paris, 1967. 285 p.
70. Stefani G., Levasseur G., Bouloc B. Procedure Penal. Paris, 1990. 1076 p.
71. The Oxford Handbook of Criminology / ed. by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. Oxford, 1994. 1259 p.
72. Vitu A. Procedure penale. Paris, 1957. 508 p.

References

1. Aleksandrov A. S., Gushchev V. E. *Subsidiarnyi ugovolnyi isk* [Subsidiary Criminal Claim]. Nizhny Novgorod, Nizhniy Novgorod institute of the Ministry of the Interior of Russia Publ., 1999. 102 p.
2. Aleksandrov A. S., Polyakov M. P. *Ugovolnoe presledovanie: lektsiya-konsul'tatsiya* [Criminal Prosecution: Lecture-Consultation]. Moscow, 2002. 56 p.
3. Aleksandrov G. Nasushchnye voprosy predvaritel'nogo sledstviya [Vital Issues of the Preliminary Investigation]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'* – *Socialist Legality*, 1954, no. 4, pp. 22–28.
4. Arsen'ev V. D. *K voprosu o prezumpstii nevinovnosti v svete novoi Konstitutsii SSSR* [On the Question of Presumption of Innocence in the Light of the New Constitution of the USSR]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1979. 104 p.
5. Barsukov M. V. *Za dal'neishee sovershenstvovanie organizatsii i deyatelnosti sovetskoi militsii* [For Further Improvement of the Organization and Activity of the Soviet Police]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1957, no. 2, pp. 41–43.
6. Bozh'ev V. P. *Ugovolnyi protsess* [Criminal Procedure]. Moscow, Spark Publ., 2002. 704 p.
7. Borodin S. V., Grun A. Ya. *K voprosu o reforme sledstvennogo upravleniya i sledstvennogo apparata v SSSR* [To the Question of the Reform of the Investigative Management and Investigative Apparatus in the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1957, no. 7, pp. 94–95.
8. Vasil'ev A. N. *Voprosy prokurorskogo nadzora za predvaritel'nym sledstviem i doznaniem* [Questions of Prosecutor's Supervision of the Preliminary Investigation and Inquiry]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'* – *Socialist Legality*, 1953, no. 9, pp. 21–24.
9. Vasil'ev O. L. *Tseli i zadachi predvaritel'nogo rassledovaniya i ego form* [Goals and Objectives of the Preliminary Investigation and Its Forms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo – Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*, 2002, no. 3, pp. 20–43.
10. Vetrova G. N. *Nauchnoe nasledie M. S. Strogovicha – traditsii gumanizma v rossiiskom ugovolnom protsesse* [Scientific Heritage of M. S. Strogovich – Traditions of Humanism in the Russian Criminal Procedure]. *Priroda rossiiskogo ugovolnogo protsessa i printsip sostyazatel'nosti: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya M. S. Strogovicha – The Nature of Russian Criminal Procedure and the Adversarial Principle: To the 125th Anniversary of the Birth of M. S. Strogovich*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020, pp. 13–22.
11. Vetrova G. N. *Operedivshii vremya – Mikhail Solomonovich Strogovich* ["Ahead of His Time" – Mikhail Solomonovich Strogovich]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess – Judicial Authority and Criminal Process*, 2018, no. 1, pp. 118–137.
12. Golovko L. V. *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie v ugovolnom protsesse Frantsii* [The Inquiry and Preliminary Investigation in Criminal Procedure of France]. Moscow, Spark Publ., 1995. 130 p.
13. Golovko L. V. *Idei M. S. Strogovicha i sovremennost': pereosmyslivaya printsip sostyazatel'nosti* [M. S. Strogovich's Ideas and Modernity: Rethinking the Principle of Competition]. *Priroda rossiiskogo ugovolnogo protsessa i printsip sostyazatel'nosti: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya M. S. Strogovicha – The Nature of Russian Criminal Procedure and the Adversarial Principle: To the 125th Anniversary of the Birth of M. S. Strogovich*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020, pp. 7–13.
14. Golovko L. V. *Uchastie gosudarstva v ugovolnom sudoproizvodstve: ot «ravenstva oruzhiya» k realistichnym kontseptsiyam* [State Participation in the Criminal Procedure: From "Equality Of Arms" to Realistic Theories]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2020, no. 6, pp. 107–118. DOI: 10.31857/S013207690009942-8.
15. Gol'st G. R. *Osnovnye zadachi predvaritel'nogo rassledovaniya v sovetskom ugovolnom protsesse* [The Main Tasks of Preliminary Investigation in the Soviet Criminal Procedure]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1957, no. 8, pp. 71–79.
16. Gulyaev A. P. *Sledovatel' v ugovolnom protsesse* [Investigator in the Criminal Procedure]. Moscow, 1981. 192 p.
17. Derishev Yu. V. *O sovremennoi otechestvennoi ugovolno-protsessual'noi nauke v obshchem i organizatsii sledstvennogo apparata v chastnosti* [About Modern National Criminal Procedure Science Generally and Organizations of the Investigative Device in Particular]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*, 2019, no. 31, pp. 74–91. DOI: 10.17223/22253513/31/7.
18. Derishev Yu. V. *Ugovolnoe dosudebnoe proizvodstvo: kontseptsiya protsedurnogo i funktsional'no-pravovogo postroeniya*. Dis. d-ra yurid. nauk [Criminal Pre-Trial Proceedings: The Concept of Procedural and Functional Legal Construction. Dr. Legal Sci. Dis.]. Omsk, 2005. 437 p.

19. Zhogin N. V., Fatkullin F. N. *Vozbuzhdenie ugovolnogo dela* [Initiation of a Criminal Case]. Moscow, 1961. 206 p.
20. Zhogin N. V., Fatkullin F. N. *Predvaritel'noe sledstvie* [Preliminary Investigation]. Moscow, 1965. 368 p.
21. Zaitsev O. A., Abdullaev F. G. Doznanie po UPK RF [Inquiry Under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo – Ugolovnoye Pravo Journal*, 2002, no. 3, pp. 77–79.
22. Kalnitsky V. V. Sootnoshenie ugovolnogo dosudebnogo i sudebnogo proizvodstva kak uchebnaya problema [Correlation Between Criminal Pre-Trial and Court Proceedings as a Learning Task]. *Zakonodatel'stvo i praktika – Legislation and Practice*, 2018, no. 1 (40), pp. 63–67.
23. Klyamko E. I. O pravovom soderzhanii prezumptsii nevinovnosti [On the Legal Content of the Presumption of Innocence]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 1994, no. 2, pp. 90–97.
24. Kudryavtsev V. N. *Pravovoe povedenie: norma i patologiya* [Legal Behavior: Norm and Pathology]. Moscow, 1982. 287 p.
25. Golovko L. V. (Ed.). *Kurs ugovolnogo protsessa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p.
26. Lavdarenko L. I. *Funktsiya sledovatelya v rossiiskom ugovolnom protsesse: problemy realizatsii, perspektivy razvitiya*. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Function of the Investigator in the Russian Criminal Procedure: Problems of Implementation, Prospects of Development. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Vladivostok, 2001. 28 p.
27. Larin A. M. *Rassledovanie po ugovolnomu delu: protsessual'nye funktsii* [Investigation in a Criminal Case: Procedural Functions]. Moscow, 1986. 160 p.
28. Lyublinskii P. I. *Predvaritel'noe sledstvie* [Preliminary Investigation]. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks RSFSR. Prakticheskii kommentarii – Criminal Procedure Code of the RSFSR. Practical Commentary*. Moscow, Pravo i zhizn' Publ., 1923. 46 p.
29. Nazhimov V. P. Pravo obvinяaemogo na zashchitu i prezumptsiya nevinovnosti v sovetskom ugovolnom protsesse [The Right of the Accused to Defense and the Presumption of Innocence in the Soviet Criminal Procedure]. *Voprosy osushchestvleniya pravosudiya po ugovolnym delam – Issues Related to the Administration of Justice in Criminal Cases*. Kaliningrad, 1982, pp. 9–11.
30. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. T. 1–4 [New Philosophical Encyclopedia. Vol. 1–4]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 2659 p.
31. Perlov I. D., Raginskii M. Yu. Nazrevshie voprosy doznanii i predvaritel'nogo sledstviya [Urgent Questions of Inquiry and Preliminary Investigation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1957, no. 4, pp. 115–121.
32. Polyanskii N. N. *Voprosy teorii sovetskogo ugovolnogo protsessa* [The Questions of the Theory of the Soviet Criminal Procedure]. Moscow, 1956. 271 p.
33. Polyanskii N. N. *Ocherk razvitiya sovetskoi nauki ugovolnogo protsessa* [Essay on the Development of the Soviet Science of Criminal Procedure]. Moscow, 1960. 212 p.
34. Polyanskii N. N. *Ocherki obshchei teorii ugovolnogo protsessa* [Essays on the General Theory of Criminal Procedure]. Moscow, 1927. 127 p.
35. Polyanskii N. N., Strogovich M. S., Savitskii V. M., Mel'nikov A. A. *Problemy sudebnogo prava* [Problems of Judicial Law]. Moscow, 1981. 224 p.
36. Rakhunov R. D. *Uchastniki ugovolno-protsessual'noi deyatel'nosti po sovetskomu pravu* [Participants in Criminal Procedure Activities in Soviet Law]. Moscow, 1961. 277 p.
37. Rossinskiy S. B. Dosudebnoe proizvodstvo po ugovolnomu delu; svezhii vzglyad na starye problemy [Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case: A Fresh View of Old Issues]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Juridical Education and Science*, 2020, no. 8, pp. 28–35. DOI: 10.18572/1813-1190-2020-8-28-35.
38. Savitskii V. M. *Ocherk teorii prokurorskogo nadzora* [Essay on the Theory of Prosecutor's Supervision]. Moscow, 1975. 383 p.
39. Smirnov A. V. Sovremennye problemy sledstvennoi vlasti v Rossii [Modern Problems of Investigative Power in Russia]. *Ugolovnyi protsess – Criminal Procedure*, 2009, no. 12, pp. 41–48.
40. Smirnov A. V. Evolyutsiya istoricheskoi formy sovetskogo ugovolnogo protsessa i predvaritel'noe rassledovanie [Evolution of the Historical Form of the Soviet Criminal Procedure and Preliminary Investigation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1990, no. 12, pp. 58–59.
41. Strogovich M. S. Voprosy ugovolnogo protsessa i novaya Konstitutsiya [Questions of the Criminal Procedure and the New Constitution]. *Sotsialisticheskaya zakonnost' – Socialist Legality*, 1936, no. 7, pp. 40–46.
42. Strogovich M. S. *Izbrannye trudy. T. 3: Teoriya sudebnykh dokazatel'stv* [Selected Works. Vol. 3. Theory of Judicial Evidence]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 300 p.
43. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa. T. 2* [Course of the Soviet Criminal Procedure. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 517 p.
44. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa. T. 1* [Course of the Soviet Criminal Procedure. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 468 p.
45. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa* [Course of the Soviet Criminal Procedure]. Moscow, 1958. 703 p.
46. Strogovich M. S. O doznanii i predvaritel'nom sledstvii i o «edinom» sledstvennom apparate [About Inquiry and Preliminary Investigation and About the “Unified” Investigative Apparatus]. *Sotsialisticheskaya zakonnost' – Socialist Legality*, 1957, no. 5, pp. 21–25.
47. Strogovich M. S. *Priroda sovetskogo ugovolnogo protsessa i printsip sostyazatel'nosti* [The Nature of the Soviet Criminal Procedure and the Principle of Competition]. Moscow, 1939. 151 p.
48. Strogovich M. S. *Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugovolnom protsesse* [Criminal Prosecution in the Soviet Criminal Procedure]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951. 191 p.
49. Strogovich M. S. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure]. Moscow, 1946. 510 p.
50. Strogovich M. S. *Uchebnik ugovolnogo protsessa* [Textbook of the Criminal Procedure]. Moscow, 1938. 246 p.

51. Strogovich M. S. *Uchenie o material'noi istine v ugovnom protsesse* [The Doctrine of Material Truth in Criminal Proceedings]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947. 276 p.
52. Bulatov B. B. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure]. 7th ed. Moscow, Yurait Publ., 2019. 567 p.
53. Lupinskaya P. A. (Ed.). *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure]. Moscow, 1995. 544 p.
54. Foinitskii I. Ya. *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. T. 1* [Course of Criminal Proceedings. Vol. 1]. St. Petersburg, 1996. 552 p.
55. Khimicheva G. P. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnym delam: kontsepsiya sovershenstvovaniya ugovno-protsessual'noi deyatel'nosti* [Pre-trial Proceedings In Criminal Cases: The Concept of Improving Criminal Procedure]. Moscow, Ekzamen Publ., 2003. 352 p.
56. Chel'tsov M. A. *Sovetskii ugovnyi protsess* [Soviet Criminal Procedure]. Moscow, 1951. 511 p.
57. Chel'tsov M. A. *Sovetskii ugovnyi protsess* [Soviet Criminal Procedure]. Moscow, 1962. 503 p.
58. Chel'tsov M. A. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure]. Moscow, Legal Publ. of the USSR Ministry of Justice, 1948. 624 p.
59. Shifman M. L. *Prokuror v ugovnom protsesse* [Prosecutor in Criminal Proceedings]. Moscow, 1948. 248 p.
60. El'kind P. S. *Rassledovanie i sudebnoe rassmotrenie del o nevmenyaemykh* [Investigation and Judicial Review of Cases of the Insane]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959. 111 p.
61. El'kind P. S. *Sushchnost' sovetskogo ugovno-protsessual'nogo prava* [The Essence of Soviet Criminal Procedure Law]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1963. 172 p.
62. Bouloc B. *L'acte d'instruction*. Paris, 1965. 712 p.
63. Denis G. *L'enquete preliminaire. Etude theorique et pratique*. Paris, 1974. 434 p.
64. Eldefonso E., Coffey A. R. *Criminal Law: History, Philosophy, Enforcement*. N.-Y., 1981. 304 p.
65. *Investigation of Crimes and Accident*. Pennsylvania, 1949. 247 p.
66. Kamisar Y., LaFave W. R., Israel J. H. *Modern Criminal Procedure: Cases, Comments and Questions*. 7th ed. St. Paul, West Publ. 1990. 1698 p.
67. Pradel J. *Droit penal. Vol. 2: Procédure pénale*. Paris, 1993. 984 p.
68. Rassat M.-L. *Droit penal et procedure penal*. Paris, 1986. 208 p.
69. Rassat M.-L. *Le ministere public entre son passé et son avenir*. Paris, 1967. 285 p.
70. Stefani G., Levasseur G., Bouloc B. *Procedure penal*. Paris, 1990. 1076 p.
71. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.). *The Oxford Handbook of Criminology*. Oxford, 1994. 1259 p.
72. Vitu A. *Procedure penale*. Paris, 1957. 508 p.

Дата поступления статьи | Article received date

22.09.2019

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

29.10.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date

24.11.2020